

рассказывают юношам и девушкам, собирающимся поступать в вузы, об интересности той профессии, которой они обучают. Врачи говорят о действительно невероятных достижениях медицины, физики — о том, как широка и могуча их наука, королева современной энергетики. Математики — о том, что без них нет сейчас и не может быть никакой физики, что только движение цифр раскрывает микро- и макрокосмос и что именно они, математики, являются отцами кибернетики. Геологи рассказывают о залежах нефти и вольфрама, о рудах таких драгоценных элементов, что перед ними золото и алмазы просто ничто, а педагоги говорят об увлекательности их профессии, направляющей умы и сердца будущих граждан нашей великой страны.

Очень поэтично выглядят дни «открытых дверей» и очень красиво описываются корреспонденциями газет: «Профессор Иксков раскрыл перед юными слушателями величественную перспективу развития автотранспортного транспорта. Глаза юношей и девушек сверкали от неподдельного восторга».

А я, читая афиши, извещающие о дне открытых дверей, газетные строчки, рассказывающие об этом, думаю: как же так получилось, что парень или девушка, окончившие десятилетку, только сейчас стали выбирать себе профессию? На что же тогда ушли годы их детства? Ведь среди них есть и пятерочники, и «золотые медалисты». Медаль-то золотая, а толку в ней мало, если человек все науки сдал на пять, а ни в одну из них не влюбился. Когда пятерка — результат знаний, это хорошая пятерка, но если она цель, то куда не годится. Достиг цели — и остановился. Это в шестнадцать-то лет!

Если цель достигнута, куда дальше идти? Выходит, что некуда, пока не появится новая цель. Вот и отправился человек по разным дорогам, благо они открытые, цель жизни искать, выбирать профессию, будущее свое выбирать. Поздновато!

Не оттого ли потом и возникает у многих желание переменить вуз? Не сошлись характерами. Думал, геолог — это горные вершины да дым костра, да беркуты в утреннем небе, да сталактитовые пещеры и горячие подземные ключи, да клетчатая ковбойка, широкая шляпа, выюжные лошади, а, оказывается, это физика, да химия, да... Нет уж, лучше пойти в ин-яз по испанскому языку. Может, в Аргентину переводчиком пошлют?

Есть такое определение: золотое детство. Золотое, прилагательное, по-видимому, обозначает счастливую беззаботность ребенка в отличие от озабоченности взрослого. Ну что ж, ощущение некоторой защищенности от жизненных забот, действительно, характерно для ребенка. Он знает, что самые основные вопросы его жизни решают за него родители. В их мудрость, справедливость и силу он обычно верит.

Иначе в случае грозящей опасности он не кричал бы: «Мама!», в случае обиды не говорил бы: «Я папе скажу», а в случае горя не бежал бы плакать в мамнины колени.

Чувство защищенности и есть основа счастья детских лет. Но нужно, чтобы золотое детство не превратилось в позолоченное. Тогда оно станет свинцом, как только придет пора самому отвечать за себя перед жизнью, перед людьми.

Детские годы действительно золотые, действительно драгоценные, потому что каждый год, каждый месяц, каждый час формируют будущего человека: его мораль, его ум, его энергию, его волю, его знания, его умение. Физическое рождение ребенка — еще не рождение человека. Человек рождается медленно. И так же, как бывают недоношенные дети без ногтей и волос, так бывают и восемнадцатилетние «недоделанные» люди. Только легче «донести» в грелках и вате недоноженного, чем «доделать» восемнадцатилетнего.

Кто же делает из ребенка человека? Родители? Школа? Да, конечно, и родители, и школа. Но недаром ведь народная пословица говорит: «Не та мать, что родила, а та, что вырастила». А выращая, воспитывают ребенка все те люди, с которыми он встречается. Буквально все, больше или меньше, активно или пассивно, позитивно или негативно, думая об этом или даже не подозревая этого, влияют на становление характера и ума, и морали ребят, с которыми они вступают в какое бы то ни было общение. Среды создают человека. В нее входят и родители, и учителя, и соседи по квартире, и жители дома, и, конечно, прежде всего, партнеры по досугу, по играм, по увлечению, по страсти.

СТРАСТЬ. Это понятие вмещает в себе и цель, к которой человек стремился, и энергию, то есть степень активности этого стремления. Конечно, характер и направление страсти в какой-то степени зависят от природных способностей — музыкальных, математических, абстрактного или образного мышления, степени эмоциональной возбудимости. Но какими бы ни были эти свойства, страсть не возникнет без «катализатора».

Катализатором этим всегда является другой человек, люди, внешний вид которых, поведение или деятельность кажутся ребенку такими интересными, что самому хочется надеть такие же узкие штаны, как у Генки, или так же шикарно курить и забористо ругаться, как Вася Косой, или так же здорово играть в шахматы, как Петя Седых, или так же ловко орудовать топором и рубанком, как Иван Никитич, или так же вышивать как тетя Катя, или так же играть на рояле, как Семенов из четвертой квартиры, или сделать себе такой же планер, как у Петренко из восьмого «Б».

Вот и двинулся человек по пути к будущему. Он еще может не развернуть в сторону, но движение началось, и след в его характере оно оставит, тем более, что возможные сдвиги и повороты тоже зависят от людей, что встретятся на его пути и разбудят в нем новые стремления.

Могут ли таким катализатором оказаться учитель, мать, отец? Да, очень часто так это и бывает. Часто, но вовсе не всегда. Разве не случается, что влияние товарища сильнее материнского или отцовского? Сплошь да рядом. Влияние преподавателя возможно только в том случае, если он обладает свойствами воспитателя, а они зависят от его умения заразить ученика собственной страстью.

В реальном училище, которое я окончил, был преподаватель фран-

Сергей ОБРАЗЦОВ

цузского языка Николай Федорович Золотницкий.

Преподаватель он был скучный. Задавал уроки всегда одинаковые: двадцать строчек читать и переводить и четыре строчки наизусть. Никто из класса от Золотницкого французским языком «не заразился», потому что любая французская фраза, даже такая веселая, как «бонжур», мадам Сан-Сузи, комбвен кут се сосисон си?», по закону условных рефлексов вызывала ощущение скуки.

Но у Николая Федоровича была страсть — аквариумные рыбы. До сих пор два тома его «Аквариум-любителя» — настоящие книги всех советских аквариумистов. И для нас были два Золотницких. У одного был длинный нос и учил он нас неинтересному французскому языку, а у другого — горячие глаза, и вызывал он в нас зависть и восхищение своими рассказами о рыбах. Среди моих сверстников и товарищей по реальному училищу, теперь уже давно седых или лысых, есть и биологи и ихтиологи. «Заразились» они этой страстью не на уроках естествознания, а после уроков французского языка.

Страсть к аквариумам и у меня сохранилась до сих пор, и, как ни странно, я считаю ее очень близкой к моей профессии. Любовь к природе и удивление перед нею — это ощущение искусства в жизни. Без него проникнуть в профессиональное искусство нельзя.

Очень сильное влияние на создание характера будущего человека и возникновение стремления к определенной деятельности может оказать литература, а значит, и преподавание этого предмета в школе. Но благотворное влияние литературы может оказать только в том случае, если она перестанет быть предметом изучения и превратится в средство воспитания, то есть будет выполнять ту основную функцию, ради которой создавали писатели и поэты свои произведения.

Искусство действует непосредственно на фантазию и эмоции человека. Действует сильно, и действие это может быть полезным или вредным не только от свойства самого произведения искусства, но и от того, кто его воспринимает и насколько он подготовлен или не подготовлен к его воздействию.

Я понимаю, конечно, что многое зависит от метода преподавания, но естественно, что определенного пересмотра требует и сама школьная программа по литературе. Дискуссия по ней идет, и с моей стороны было бы просто легкомысленно думать, что в такой статье, как эта, можно дать какое-либо серьезное предложение по этому более чем серьезному вопросу.

Но сейчас мне хочется только еще раз обратить внимание на то, что литература, в том числе и драматургия, больше, чем какой-либо другой вид искусства, влияет на психику человека, на его восприятие жизни, на переоценку окружающих его лиц, на анализ, часто неосознанный, своих чувств и переживаний, на возникновение индуктивных эмоций, параллельных, а иногда и тождественных эмоциям героев.

Вот почему последовательность знакомства с литературными произведениями должна быть не исторической, а возрастной. Тургенев, Чехов, Толстой и Диккенс должны оказаться в руках школьника после того, как в них побываю Гайдар, Кассиль, Катаев, Сеттон Томпсон, Марк Твен. Урок литературы в школе — это не урок литературоведения. И задача его — вызывать у ребят любовь к чтению и умение читать не глазами, а сердцем. Не литературу в литературе видеть, а жизнь: ту самую жизнь, которой он живет не тогда, когда сидит на уро-

ках или учит их, а когда он в ней участвует.

ВОСКРЕСЕНИЕ. У Леши хороший отец. Сегодня они вместе ходили на каток, и оба были счастливы. У Леши хорошая мать, она следит за его уроками. Завтра сдавать домашнее сочинение о Катерине в «Грозе» Островского, а он еще не садился и даже не дочитал «Луч света в темном царстве». Когда же он успеет? Шесть часов, а его не вытащить из комнаты соседа. Мама стучит в дверь:

— Простите, Иван Тимофеевич, но Леше надо писать сочинение!

— Да я его и не держу, Анна Сергеевна! Пусть идет. Иди, Леша!

— Ма! Ну еще десять минуточек, может, Мехико ответится. Ну, ма!

— Хорошо, но через десять минут, чтобы ты сидел за столом.

Леша выторговывал себе десять минут, а ведь это самые золотые десять минут из всей Лешиной недели. Это его страсть. Это еще будущее. Сосед — любитель коротковолнник. Он вовсе и не думает, что воспитывает Лешу. Ему просто приятно, что тот увлечен его страстью, да, кроме того, он ему помогает.

А у Лешиного одноклассника нет соседа-коротковолнника. Зато у него недавно родилась сестра, и мать сказала: «Иди на двор, побегай, а то ты тут вертишься, стульями гремишь, она никак не уснет». Бежать во дворе нельзя, там сад устроили и траву посеяли. Оставили только пятачок с грибом. Под грибом уже сидели старшие, играли в карты. Подсел. Сперва выиграл рубль пятьдесят. Потом проиграл. Сбежал к маме, попросил трешку, сказал, что на мороженое, и опять сел играть. Жилычка в зеленых очках из верхней квартиры всех прогнала, сказала: «В азартные игры в местах общественного пользования играть нельзя». «Подумаешь, фря заморская! Ей какое дело». Перешли играть в подъезд за лифтом.

В этот воскресный вечер два мальчика стали взрослее, на шаг продвинулись к будущему. Если Леша продолжит это движение, из него может вырасти настоящий человек. Если то же самое сделает Лешин товарищ, из него ничего путного не получится. Ему нужно остановиться и двинуться в какую-то другую сторону. В какую? Это зависит от тех, кто рядом с ним в самые активные минуты его жизни, в часы необязательных поступков, в часы, когда выбирать их он волен сам. Чем хочешь, тем и занимайся. Хочешь — читай, хочешь — гуляй, хочешь — делай планер.

Но эта свобода очень относительна. Потому что ассортимент, из которого выбирается, вовсе не у всех одинаковый.

Я бегал на лыжах, гонял голубей, сравнительно хорошо знал птиц, любил рисовать. Мой классный товарищ жил на Солнечной, рядом с какой-то ремонтной мастерской. Он совсем не ходил на лыжах, не отличал красочного голубя от «монаха», был уверен, что ворон муж вороны, а электро-моторчик сделал такой, какого мне ни за что не сделать. Теперь этот мой товарищ — инженер.

Значит, если мы, взрослые, хотим, чтобы в самые активные часы своей жизни наши дети выбрали для «личной» деятельности то, что разбудило бы и развило в них страсть, которая в дальнейшем станет их жизнью, их профессией, мы должны быть внимательны к ассортименту, из которого идет выбор этой страсти, и к тем, кто является ее возбудителем. На официальном языке это называется «внешкольная работа».

(Окончание следует).

Известия 1. VIII. 60.